

*Дэвиду, которому отныне всегда
придется быть со мной любезным*

I

Трей тащит через гору поломанный стул. Несет на плече, закинув за спину, ножки стула торчат у поясницы. Небо синевы до того раскаленной, что кажется глазурованным, солнце жжет загромыхивая. Даже едва слышная булавоочно-колкая перекличка птиц — они слишком высоко, не увидеть — дребезжит от жары. Хозяйка стула предложила Трею подбросить ее до дома, но впускать эту женщину в свои дела у Трея склонности нет никакой, как нет ни склонности, ни умения поддерживать беседу всю поездку по ухабам горной дороги.

Пес Банджо вьет широкие петли по обочинам, вынюхивает и роется в густом вереске, который для июля слишком побурел и чересчур тяжело благоухает. Пес продирается сквозь заросли, они хрустко потрескивают. Каждые несколько минут, негромко пыхтя и постанывая от удовольствия, он прискакивает доложить Трею, что отыскал. Банджо — дворняга, черный с подпалинами, голова бигля, туловище и ноги от кого-то более коренастого, и он куда разговорчивее самой Треи. Кличку свою получил из-за белого пятна соответствующих очертаний на брюхе. Трей хотелось выдумать что-то получше, но она не горазда на вычурное и что б ни лезло ей в голову, получалось так, будто собаку назвал какой-нибудь задрот из книжки по школьной программе. В итоге она бросила это занятие, остановившись на Банджо. У Кела Хупера, американца, живущего внизу рядом с деревней, обитает братец Банджо по кличке Драч, и если псу Кела незамысловатое имя годится, такое же сгодится и псу Трею. Кроме того, почти все время бодрствования она проводит у Кела, а потому

и собаки почти все время вместе, и если бы клички не сочетались, вышло бы по-дурацки.

К Келу Трей чуть погода и отнесет стул. Они чинят людям мебель или делают ее, а еще скупают старую и битую, ремонтируют и продают по субботам на рынке в Килкарроу. Раз было, они подобрали приставной столик, он показался Трей никчемным: слишком уж мелкий и долгоногий, ничего на нем не удержится, но Кел глянул в интернете и оказалось, что столику тому почти двести лет. Когда они с ним разобрались, проданся за сто восемьдесят фунтов*. У стула, который тащит Трей, две распорки и ножка в щепки, будто его пинали, подойдя к делу не спеша и прилежно, но когда стул у них с Келом будет готов, никто и не подумает, что он был сломан.

Сперва Трей зайдет домой пообедать, потому что ужинать она хочет у Кела; этим летом Трей растет так быстро, что распорядок дня у нее строится в основном вокруг еды, и гордость не позволяет ей заявляться к Келу на порог так, чтоб питаться у него дважды за день. За тем, чтоб не перейти черту, она следит четко-четко — будь ее воля, она б у Кела жила. У него там спокойно. На той верхотуре, где у Трей дом и далеко от любых других домов, должно быть тоже вполне спокойно, да только там толпа. Старшие брат с сестрой давно уехали, зато Лиаму и Аланне шесть и пять, и они почти все время почему-нибудь орут, Мэв — одиннадцать, и она почти все время ноет и хлопает дверью комнаты, которая у них с Трей одна на двоих. Даже когда так совпадает, что всем им хотя бы минуту-другую удастся не верещать, зато их слышно непрерывно. Мамка помалкивает, но в молчании у нее покоя нет. Оно занимает место, будто вокруг нее выстроено что-то тяжелое из ржавого железа. Лена Дунн, которая живет под горой, — и она же подарила Трей эту собаку — говорит, что мамка была когда-то болтушка и хохотушка. Трей не то чтоб не верит ей, но образ этот кажется ей непредставимым.

* Евро в Ирландии ввели задолго до времени действия романа (хождение евро началось в 2002 году), однако ирландцы по привычке разговорно именуют евро фунтами. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Банджо пулей выскакивает из вереска, в полном восторге от себя самого тащит в зубах что-то такое, от чего вонища на милоу.

— Фу! — велит она. Банджо смотрит на нее укоризненно, однако пес он воспитанный, добычу свою роняет, та клекло плюхается на тропу. Тощее и темное — возможно, молодой горностаи. — Хороший пес, — говорит Трей, отнимая руку от стула, чтобы потрепать Банджо по голове, но тот не умиловивлен. Вместо того чтоб опять умчаться галопом, трусит рядом, поникши с обоих концов, чтобы показать, до чего Трей задела его чувства. Кел зовет Банджо дитем малым. Драч-то боец, ему ногу оттяпай — и хоть бы что, а вот Банджо надо, чтобы люди уважали его страдания.

Склон местами делается крутоват, однако ноги к этой горе привычны и Трей с шага не сбивается. Из-под кроссовок вырываются мелкие вихри пыли. Трей поднимает локти, чтоб подсохли подмышки, но разницы почти никакой, ветра недостаточно. Ниже расстилаются поля, мозаика разных оттенков зеленого под произвольными углами друг к другу, Трей знает их так же досконально, как трещины на потолке у себя в комнате. В разгаре покос: крошечные сноповязалки трюхают туда-сюда, ловко следуя за неисповедимыми изгибами каменных изгородей и оставляя за собой, словно помет, желтые цилиндры. Ягнята — белые лоскутки, рассыпанные по траве.

Трей срезает тропу через каменную стенку, осыпавшуюся так, что Банджо перебирается через нее без посторонней помощи, дальше по пустырю, который раньше был полем, в гущу узловатого бурьяна Трей по бедро, потом — в густую полосу ельника. Ветки цедают солнечный свет, дробят до просверков, что сбивают с толку, еловая тень холодит шею. Над нею мелкие птички, пьяные от лета, снуют туда-сюда, и каждая пытается быть громче всех. Трей залиvisto свистит им вверх и широко улыбается, когда все они замирают разом в полном безмолвии, пытаясь ее раскусить.

Трей выходит из ельника на рощищу за ее домом. Дом свежыкрашен в сливочно-желтый, и крышу ему пару лет назад

кое-где подновили, но ничто не способно скрасить его общий усталый вид. Конек проседает, оконные рамы перекошены. Двор — сплошь бурьян и пыль, по краям он сливается со склоном горы и усыпан всяким, что Лиаму с Аланной игрушки. Всех своих школьных друзей Трей сюда по разу притаскивала, доказать, что она ничего тут не стыдится, но повторно не звала. Она по умолчанию предпочитает ничего не смешивать. Все проще от того, что все ее друзья в любом случае не из этой округи. С людьми из Арднакелти Трей не тусуется.

Даже не закрыв за собой кухонную дверь, она знает, что дом изменился. Все напряженное и сосредоточенное, никакой мелкой возни и шума. Еще не успев осознать этот факт и уловить запах сигаретного дыма, она слышит в гостиной отцов смех.

Банджо исторгает фырк, предвещающий лай.

— Нет, — говорит Трей тихо и быстро. Хлопая ушами, пес отряхивает с себя вересковый мусор и грязь, бросается к миске с водой.

Минуту Трей стоит неподвижно в широкой полосе солнечного света, льющегося в дверь на истертый линолеум. Затем идет в коридор, двигаясь беззвучно, замирает у входа в гостиную. Отцов голос доносится ясно и весело, сыплет вопросами, на них в ответ что-то воодушевленно лепечет Мэв или бормочет Лиам.

Трей подумывает уйти, но хочет его увидеть, чтобы знать наверняка. Толкает дверь.

Отец сидит прямо посередине дивана, откинувшись и улыбаясь, широко раскинув руки, обнимает Аланну и Мэв. Они тоже улыбаются от уха до уха, но вместе с тем и нерешительно, словно только что получили здоровенный подарок на Рождество, какой им может не понравиться. Лиам втиснут в угол дивана, смотрит на отца, разинув рот. Мамка на краешке кресла, спина прямая, ладони плашмя на коленях. Пусть она-то сама жила тут безвылазно, а отца не видеть было четыре года, как раз Шила-то и смотрится так, будто ей в этой комнате не по себе.

— Ну боже всемогущий, — говорит Джонни Редди, сверкая Трей глазами. — Гляньте-ка только. Во малютка Тереза вымахала. Тебе сколько уже? Шестнадцать? Семнадцать?

Трей отвечает:

— Пятнадцать. — Она знает, что, если уж на то пошло, смотрится младше.

Джонни восхищенно качает головой.

— Оглянуться не успею, а уж буду твоих парней гонять с порога палкой. Или я опоздал? Завела себе парнишку-то уже? Или пару-тройку?

Мэв пронзительно хихикает и вглядывается ему в лицо — проверить, допустимо ли.

— Не-а, — без выражения отзывается Трей, когда становится ясно, что отец ждет ответа.

Джонни облегченно вздыхает.

— Есть время подыскать хорошую палку, стало быть. — Дергает подбородком, показывая на стул, который Трей забыла снять с плеча: — Это что? Подарочек мне принесла, а?

— Чинить буду, — говорит Трей.

— Она этим зарабатывает, — говорит Шила. Голос у нее яснее обычного, высоко на скулах пятна румянца. Трей не разберет, то ли мамка радуется, то ли злится, что он вернулся. — Мы на это микроволновку купили.

Джонни похохатывает.

— Яблочко от яблони, ха? Всегда была не промах. Умничка. — Подмигивает Трей. Мэв возится у него под рукой — напоминает о себе.

Трей помнит его большим, а он мужчина не особо рослый, а вдобавок и хлипкий. Волосы того же мышиноного бурого оттенка, что и у нее, падают косо на лоб, как у подростка. Отцовы джинсы, белая футболка, черная кожаная куртка — самые новые вещи в доме. Гостиная вокруг него смотрится еще неряшливей.

Трей говорит матери:

— Несу это Келу. — Разворачивается и уходит в кухню.

У нее за спиной Джонни говорит со смехом в голосе:

— Кел, значит? Из ребяток Сенана Магуайра?

Банджо все еще у миски с водой, шумно лакает, но, как только входит Трей, подскакивает, виляя всем задом и с надеждой поглядывая на свою миску для еды.

— Не-а, — говорит ему Трей. Подставляет лицо под кран, трет, смывает пот и пыль. Полощет рот и мощно сплевывает в мойку. Затем складывает ладонь чашечкой и долго пьет.

Услышав за спиной шум, резко оборачивается, но это Аланна — держит своего вялого плюшевого кролика под мышкой, другой рукой толкает дверь взад-вперед.

— Папа вернулся, — говорит она так, будто это вопрос.

Трей отзывается:

— Ну.

— Говорит, чтоб обратно шла.

— Я на улицу, — говорит Трей. Роемся в холодильнике, отыскивает ветчинную нарезку, пристраивает толстую стопку между двумя ломтями хлеба. Обертывает сэндвич бумажным полотенцем и запихивает в задний карман джинсов. Аланна, по-прежнему раскачивая дверь, наблюдает, как Трей закидывает стул на плечо, щелкнув пальцами, зовет с собой Банджо и устремляется на простор солнечного света.

Кел утюжит рубашки на кухонном столе и подумывает, не сбрить ли бороду. Когда, еще живя в Чикаго, он ее отращивал, представление об ирландской погоде составлял по туристическим сайтам, а те изобиловали сочными зелеными полями и довольными людьми в вязаных свитерах. Его первые два года здесь местный климат более-менее соответствовал рекламе. Это же лето, похоже, просочилось сюда с какого-то совершенно другого сайта — возможно, посвященного Испании. Жара — того бесстыжего, неотступного свойства, какое Кел, уже привычный к тому, что во всяком дне есть сколько-то солнца, разнообразие облачности и несколько вариантов дождя, находит слегка неудобным. Не вяжется она с пейзажем, красоту которого создают нюансы и переменчивость, — и бесит фермеров: жара сломала им распорядок силосования и покоса, овцы от нее делаются раздражительные, она угрожает выпасу. У мужиков в пабе это главная тема для разговоров, важнее даже грядущих Национальных соревнований овчарок, женщины, которую старший пацан Зуда О'Коннора при-

ташил себе в супруги из Дублина, и вероятной взятки, связанной с постройкой нового досугового центра в городе. Одно из мелких неудобств жары состоит в том, что борода Кела превратилась в накопитель тепла. Стоит Келу выйти на улицу, у нижней части лица словно возникает свой тропический климат.

Однако борода Келу мила. Исходно он ее смутно связывал с ранним уходом на покой — хватит с него быть легавым и выглядеть как легавый. Для публики же в округе Арднакелти борода оказалась без толку, они Кела вычислили сразу, не успел он распаковаться. Но для него самого она кое-что значит.

Даже в жару дома у него прохладно. Это домишко-недомерок 1930-х годов, ничего в нем примечательного, зато стены толстые и добротные, возведены дельно. При покупке домик готов был того и гляди развалиться, но Кел его возрождает — не спеша, раз почти никаких других обязательных дел у него нет. Комната, где он находится, — преимущественно гостиная и немножко кухня — достигла той точки, где уже не кажется, что в ней ремонт, здесь теперь просто приятно быть. Кел выкрасил ее почти всю в белый, восточную стену сделал бледной золотисто-желтой — по замыслу Трей — в тон падающему на нее закатному свету. Попутно приобрел мебель, чтобы дополнить то, что осталось от предыдущих хозяев, теперь у Кела есть три стула вокруг кухонного стола, старый письменный стол, за которым Трей делает уроки, кресло, лянляый синий диван, которому не помешала бы новая обивка, и даже торшер. А еще Кел завел себе собаку. Драч в своем углу возле очага усердствует с костью из сыромятной кожи. Драч мелкий, вислоухий, телосложение у него — как у кирпичного сортира. Полубигль с милой мордой бигля и случайными черными, рыжими и белыми пятнами — тоже как у бигля, а вот что там со второй половиной, Кел не разобрал. Подозревает росомаху.

В открытое окно летит восторженный гомон птиц — они-то не овцы, от жары и возникшего благодаря ей обилия жуков они ликуют. Ветерок втекает тихонько и нежно, как сливки. С ветерком заносит в окно и шмеля, он врзается в буфет. Кел дает шмелю время собраться с мыслями, тот в конце концов соображает, где окно, и зигзагом улетает прочь в солнечный свет.

От задней двери доносятся возня и всплеск счастливого лая. Драч пулей устремляется прочь из своего угла и мчит по коридору, прижимается носом к двери так крепко, что Кел не может ее открыть. Такое происходит всякий раз, когда появляются Трей с Банджо, но Драч, существо общительное, не запоминает — слишком воодушевляется.

— Назад, — приказывает Кел, отпихивая Драча ногой. Драч, трепеща, сдерживается ровно столько, чтобы дать Келу открыть дверь. Два юных грача спархивают с крыльца и улетают к своему дубу в глубине сада, хохоча так громко, что сами же кувыркаются в воздухе.

Драч бросается следом, клянясь порвать их в клочья.

— Вот же гаденыш, — весело говорит Кел. Со своей колонией грачей отношения он пытается наладить с самого приезда. Вроде получается, но отношения складываются не те, какие он себе воображал. У него была некая диснеевская задумка, что грачи станут носить ему подарочки и есть с рук. Те, несомненно, смекают, что Кел — ценное для их угодий приобретение, но в основном из-за того, что он оставляет им объедки, а также потому, что они над ним изгаляются. Когда им скучно, они орут ему в печную трубу, бросают камешки в очаг или стучат в окна. Лай — это что-то новенькое.

Почти у дерева Драч разворачивается кругом и несется вокруг дома к дороге. Кел знает, что это значит. Возвращается в дом выключить утюг.

Трей появляется на пороге одна: Драч и Банджо играют во дворе в пятнашки, гоняют грачей или же выкапывают что найдут под живыми изгородями. Собаки знают границы Келова участка — это десять акров, для песьих занятий более чем достаточно. Овец гонять и напрашиваться на то, чтоб их пристрелили, они не побегут.

— Сходила добыла вот, — говорит Трей, скидывая стул со спины. — У одной там женщины за горой.

— Классно, — говорит Кел. — Обедать будешь?

— Не-а. Уже.

Сам выросши в нищете, Кел понимает, почему Трей щетинится, когда ей что-то предлагают.

— Печенье в банке, если надо заполировать, — говорит. Трей топает к буфету.

Кел вешает последнюю рубашку на плечики и оставляет утюг остывать на кухонном столе.

— Прикидываю убрать вот это, — говорит он, дернув себя за бороду. — Что скажешь?

Трей останавливается с печенькой в руке и вперяется в Кела так, будто он собрался прогуляться нагишом по тому, что считается в Арднакелти главной улицей.

— Не-а, — категорически постановляет Трей.

Лицо у нее такое, что Кел скалится.

— Не-а? Чего это?

— Дурацкий вид.

— Спасибо, малая.

Трей пожимает плечами. В широком диапазоне смыслов этих ее пожатий плечами Кел разбирается хорошо. Это вот означает, что Трей свое сказала, а дальнейшее уже не ее печаль. Она сует остаток печенья в рот и забирает стул в меньшую спальню, которая стала их мастерской.

Разговорные навыки у малой уж какие есть, и поэтому в том, что Келу полагается знать, он ориентируется по распределению ее молчаний во времени и их качеству. Обычно она с темы так быстро не соскакивает, не обстебав то, как Кел будет выглядеть гладковыбритым. Что-то ее тяготит.

Кел уносит рубашки к себе в спальню и идет к Трей в мастерскую. Комнатка это маленькая и солнечная, покрашена остатками того, во что красили остальной дом, пахнет опилками, лаком и воском. Тут свалка всякой всячины, однако упорядоченная. Когда Кел осознал, что к столярному делу они подходят все серьезнее, они с Трей выстроили крепкий стеллаж для емкостей под гвозди, шпонки, шурупы, ветошь, карандаши, струбцины, воски, морилки, скипидары, фурнитуру для выдвижных ящиков и все прочее. На досках вдоль стен висят рядами инструменты, под каждым — соответствующий ему контур. Кел начал с дедова сундука с инструментами и с тех пор обзавелся чуть ли не всеми столярными приспособлениями, что только есть, а также кое-какими,

которых официально нет, — они с Трей смастерили их под свои нужды. Есть верстак обычный, верстак токарный и горка разно-сортных деревяшек для ремонтных работ. В другом углу — древнее тележное колесо, которое притащила откуда-то Трей, они хранят его на всякий, кто ж его знает, случай.

Трей распиновывает кусок парусины по полу, чтоб обустроить на нем стул. Кости у стула крепкие. Сделан вручную и довольно давно: одна вмятина на сиденье — от множества задов, вторая, на передней перекладине, — от множества ног. Спинка и ножки — изящно выточенные веретена, украшенные там и сям кольцами и шариками. Впрочем, почти всю жизнь этот стул провел рядом со стряпней или огнем: из-за дыма, жира и слоев лака он теперь покрыт темной липкой пленкой.

— Славный стул, — говорит Кел. — Надо зачистить его, прежде чем что-то с ним делать.

— Я ей так и сказала. Она говорит ладно. Это дед ее делал. Кел накрывает стул оценить ущерб.

— По телефону она сказала, что его кошка уронила. — Трей выдает скептическое “пффт”.

— Ага, — говорит Кел.

— Ейный Джейден из моей школы, — сообщает Трей. — Он гад. Мелких бьет.

— Поди знай, — говорит Кел. — Вот это все надо менять. Какое дерево, по-твоему?

Трей осматривает сиденье — оно благодаря тем многочисленным задам осталось достаточно чистым, можно разглядеть текстуру — и места словов.

— Дуб. Белый.

— Ага, по-моему, тоже. Давай-ка глянем, есть ли у нас подходящий толстый кусок, чтоб выточить. Насчет подходящего цвета не бери в голову, все равно придется морить. Главное, подбери текстуру как можно точнее.

Трей усаживается на корточки рядом с кучей деревяшек и принимается в ней копать. Кел уходит в кухню и замешивает в старом кувшине белый уксус теплой водой. Затем стирает тряпичной пылью со стула, предоставляя малой пространство

для слов, если ей захочется поговорить, а сам пока наблюдает за ней.

Она подросла. Два года назад, когда Трей впервые появилась у него на заднем дворе, была она тщедушным молчаливым дитем с собственноручно выбритой головой и свойственной рыси-недоростку тягой и драться, и драпать. Теперь она Келу по плечо, ежик под машинку сменился просто грубой короткой стрижкой, в лице возникла новая ясность, и у него в доме Трей возится и располагается так, будто тут живет. Она даже целые разговоры ведет — ну или, во всяком случае, большинство дней оно так. Ни лоска, ни изящества, какое понемногу развивается у некоторых подростков, в ней нет нисколько, однако она все равно подросток — и ум, и жизнь у нее день ото дня становятся все изощренней. Под всем, что она говорит о школе, о своих друзьях и о чем там еще, появляются новые слои. У Кела с этим хлопот побольше, чем даже, судя по всему, у нее самой. Стоит ему нынче уловить что-то у нее на уме, ужас в нем расплескивается широкий и темный. В пятнадцать лет слишком многое может случиться и нанести слишком большой ущерб. С виду Трей по-своему непробиваема, как дерево твердой породы, однако столько ударов приняла за жизнь, что где-то там не может не быть трещин.

Кел отыскивает чистую ветошь и принимается оттирать стул уксусным раствором. Липкий слой сходит хорошо, на тряпице остаются длинные бурые следы. За окном с дальних полей доносится залиvistое пение дроздов, в клевере, заполонившем сад Кела, пируют пчелы. Собаки нашли палку и теперь тянут ее друг у друга.

Трей, держа рядом для сравнения две деревяшки, говорит:

— Отец домой вернулся.

Все в Келе застывает намертво. Среди всех страхов, какие в нем болтались, этого не было.

После, кажется, долгого молчания Кел спрашивает:

— Когда? — Вопрос дурацкий, но ничего другого в голову не приходит.

— Сегодня утром. Пока я стул забирала.

— Ясно, — говорит Кел. — Ну. Он насовсем? Или на время?

Трей вызывающе пожимает плечами: без понятия.

Жалко, что Кел не видит ее лица.

— И как тебе?

Трей отвечает без выражения:

— Нахер его.

— Ладно, — говорит Кел. — Справедливо. — Может, ему полагается загрузить малую какой-нибудь фигней, включающей в себя слова “но он же твой папка”, но Кел взял за правило никогда не грузить Трей фигней, а его чувства к Джонни Редди, так уж вышло, совпадают с ее.

Трей говорит:

— Можно я тут на ночь останусь?

В голове у Кела все опять замирает. Он продолжает оттирать стул, сохраняя ровный ритм. Чуть погодя говорит:

— Беспокоишься, что отец может отчебучить что-нибудь?

Трей фыркает.

— Не.

Судя по голосу, правду говорит. Кел слегка расслабляется.

— А чего тогда?

Трей говорит:

— Нечего ему вот так запростяк обратно вкатываться.

Она к Келу задом, копается в деревяшках, но вся спина у нее горбится напряженно, сердито.

— Ну да, — говорит Кел. — Мне б, наверно, так же было.

— Можно остаться-то, а?

— Нет, — говорит Кел. — Нехорошая тема.

— Чего это?

— Ну, — говорит Кел, — отцу твоему может не понравиться, что ты слиняла, не успел он объявиться. И, похоже, мне бы не начинать с того, чтоб сразу его выбесить. Если он тут застрянет, я бы предпочел, чтоб ему не поперек было, что ты тут болтаешься. — На этом всё. Она уже достаточно взрослая, чтоб, во всяком случае, соображать насчет других причин. — Я позвоню мисс Лене, спрошу, может, ты у нее переночуешь.

Малая собралась было спорить, но передумывает и закатывает глаза. Кел с удивлением понимает, что ему как-то шатко,

словно он только что упал с верхотуры и ему бы теперь сесть. Опирается задом о верстак и вытаскивает мобильник.

Поразмыслив, пишет Лене, а не звонит. “Можно Трей у тебя сегодня переночует? Не знаю, слыхала или нет, но вернулся ее папаша. Не хочет с ним тусить”.

Сидит неподвижно, смотрит, как солнечный свет елозит по худеньким плечам Трей, — та вытаскивает деревяшки и откладывает их, — пока Лена не отвечает. “Бля. Немудрено. Ага пусть ночует запросто”.

“Спасибо, — пишет Кел. — Пришлю ее к тебе после ужина”.

— Говорит, она не против, — сообщает он Трей, убирая телефон. — Только мамке скажи, где ты. Или попроси мисс Лену сказать.

Трей закатывает глаза еще энергичней.

— На, — говорит, протягивая ему плинтус из старого дуба. — Такое?

— Ну, — говорит Кел. Возвращается к стулу. — Годится.

Трей помечает плинтус черным “Шарпи” и кладет обратно в угол.

— Эта хрень сходит? — спрашивает она.

— Ну, — отвечает Кел. — Легко и просто.

Трей отыскивает чистую тряпку, макает в укусную смесь и крепко отжимает.

— А если ему не в жилу будет, что я сюда хожу?

— Считаешь, напряжется?

Трей осмысляет.

— Ему раньше всегда насрать было, где мы.

— Ну и вот, — говорит Кел. — Скорее всего, ему и на это будет насрать. А если нет, тогда и разберемся. — Трей бросает на него быстрый взгляд. Кел повторяет: — Разберемся.

Трей кивает — один решительный дерг головой — и берется за стул. От того, что его слово по-прежнему ее успокаивает, Келу опять хочется присесть.

Может, оно и успокаивает, однако Трей все еще необщительна — даже по ее собственным понятиям. Через некоторое время Драч с Банджо, загнанные жаждой, заходят в открытую переднюю

дверь, долго и шумно пьют из своих мисок и заскакивают в мастерскую, требуя внимания. Трей садится на корточки и сколько-то с ними возится, даже посмеиваясь, когда Драч толкает ее под подбородок так сильно, что она плюхается на зад. Затем собаки валяются в свой угол отдыхать, а Трей вновь берется за тряпку и возвращается к работе.

Келу тоже не особо хочется разговаривать. Того, что отец Трей может вернуться, Кел не предполагал ни на миг. Даже целиком и полностью плод баек, Джонни Редди всегда казался Келу типом, каких он уже повидал, порядок действий у таких — вкатиться куда-нибудь, прикинуться кем-нибудь сообразным обстановке и поглядеть, чем при таком новом наряде можно поживиться, пока тот не сносится и не перестанет прикрывать хозяина. Кел не в силах измыслить ни единого хорошего повода, с чего бы Джонни Редди возвращаться сюда — в то единственное место, где тот не может рядиться ни в кого, кроме себя самого.

Лена развешивает белье. Это занятие приносит ей неумеренное тайное удовольствие. Позволяет остро прочувствовать окружающий воздух, теплый и сладкий от скошенных трав, щедрый солнечный свет, укрывающий ее с головой, а также то, что она стоит на том же месте, где и поколения женщин до нее, и занята тем же, а позади нее — те же зеленые оттенки полей и далекий очерк гор. Когда пять лет назад умер муж, она усвоила навык принимать, когда подвернется, всякий клочок счастья. Свежая постель или тост, намазанный маслом безупречно, способны все облегчать, дают перевести дух. Ветерок раздувает простыни на веревке, Лена поет себе под нос — тихие обрывки песен, услышанных по радио.

— Ой, да вы гляньте, — произносит чей-то голос у нее за спиной. — Лена Дунн. Красава неопишуемая и двойной шикардос.

Лена оборачивается и видит Джонни Редди — тот опирается о заднюю калитку и оглядывает Лену с головы до пят. Джонни всегда умел эдак изучать тебя взглядом, будто вспоминает — одобрительно, — какова ты в постели. Поскольку в Лениной